

УДК 9(57)
DOI: 10.17223/19988613/61/3

Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек

АЗИАТСКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЛНОМОЧИЯ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОВ АЗИАТСКОЙ РОССИИ

В статье рассматривается специфика региональной власти азиатской окраины империи, которая требовала от администраторов компетенций не только во внутренней, но и во внешнеполитической деятельности. В этом регионе задачи территориального расширения империи решались при активном участии генерал-губернаторов. Поэтому генерал-губернаторы Азиатской России должны были иметь опыт, пусть даже небольшой, дипломатической деятельности. Внешнеполитический аспект генерал-губернаторской деятельности был тесно связан с их административно-политическими мероприятиями как главных начальников края и проявлялся в самых различных, подчас весьма неожиданных вариантах.

Ключевые слова: Россия; Сибирь; империя; окраины; управление; генерал-губернатор; дипломатия; внешняя политика.

Московские, а впоследствии и петербургские власти всегда уделяли особое значение отношениям России с соседними государствами. Подобная практика объясняется, прежде всего, геополитическими соображениями: стремлением обеспечить прочность границ с сопредельными странами, воспрепятствовать захвату приграничных территорий соперниками или включить эти территории в сферу влияния недружественных России государств. Такая политика, являясь, прежде всего, отражением стратегических и внешнеполитических интересов российского правительства, ибо вплоть до конца XIX в. именно эти факторы, а не соображения экономического порядка определяли основной вектор внешнеполитической деятельности государства [1. С. 26; 2. С. 21–22]. Именно опасениями такого рода следует объяснять серию указов Ивана IV, запрещающих русским людям под страхом смертной казни проникновение на территорию сибирского царства [3]. Однако ситуация принципиально изменилась после того, как Сибирь оказалась в составе Российского государства. Формирование новых государственных границ и их охрана стали одной из важных функций правительства. Однако не только вопросами безопасности границ руководствовались российские власти, определяя круг внешнеполитических полномочий высших руководителей окраинных регионов. Не менее значимую роль играли вопросы территориального расширения империи, усиления политического влияния России в соседних странах, установления выгодных экономических связей с сопредельными государствами. Подобные устремления России вызывали естественное противодействие со стороны ряда азиатских и европейских государств, стремящихся к усилению собственного влияния в этих же регионах.

Процесс формирования азиатско-тихоокеанских границ России даже к середине XIX в. не был завершен. Сама по себе эта граница была еще очень аморфной, своего рода буферной зоной, которую государство рассматривало как военно-экономический плацдарм

для дальнейшего расширения империи (Охотско-Камчатский край – для Северной Америки; Забайкалье – для Приамурья; Приморский край – для Маньчжурии; Западная Сибирь и Оренбургский край – для Казахстана и Средней Азии (эта мысль была высказана А.В. Ремневым на научно-теоретическом семинаре, состоявшемся в Иркутске 13–15 ноября 2003 г.)) [4. С. 27; 5. С. 39]. Таким образом, особенность геостратегического положения азиатских территорий империи выдвигала перед российским правительством как бы двуединую задачу: закрепление новых территорий в составе России, в том числе путем усиления безопасности границ, с одной стороны, и дальнейшее расширение имперского пространства, сферы влияния империи – с другой. Существенную роль в решении этой задачи была призвана сыграть региональная власть, в деятельности которой уже на ранних этапах русской колонизации Зауралья можно наблюдать сочетание элементов внутренней и внешней политики. Но если первое направление – внутривластная деятельность – вытекало из самой сути региональной власти, то решение задачи территориального расширения империи требовало соответствующих внешнеполитических полномочий. В XIX в. в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в Средней Азии эти вопросы решались при активном участии генерал-губернаторской власти, что предопределило важную особенность ее функционирования, отразившуюся в нормативных документах и практической деятельности.

Следует, однако, заметить, что практика предоставления сибирским властям особых внешнеполитических полномочий не была принципиально новым явлением во взаимоотношении центра и периферии. Еще на начальных этапах интеграции Сибири в Россию московское правительство своими указами предоставляло сибирским правителям ряд важных полномочий по ведению дипломатических и торговых сношений с пограничными государствами. Корни этой дипломатической самостоятельности следует искать в деятельности

сибирского приказа, официально открытого в Москве в 1637 г. В отличие от других приказов, он сочетал в себе территориальные и функциональные направления деятельности. Политическая и географическая удаленность Сибири от центра страны предопределила важную особенность в деятельности сибирского приказа, в компетенцию которого, наряду с обязанностями по снабжению населения края продовольствием, вином и т.д., находились дипломатические дела. Исследователи истории Сибири XVII в. отмечают еще одну важную особенность деятельности местных органов власти. Вслед за С.В. Бахрушиным [6. С. 253–262] А.Н. Копылов обратил внимание на гораздо более широкие полномочия сибирских воевод по сравнению с их «коллегами» из Европейской России [7]. Поскольку через Сибирь шли тогда торговые караваны нагайских и бухарских купцов, русское правительство стало вменять в обязанности сибирских воевод ответственность за организацию таможенных сборов. В данном случае экономические функции сибирских воевод переплетались с внешнеэкономической деятельностью. В то же время воеводы ряда порубежных городов получали право в сугубо дипломатических сношениях с государствами монгольского мира [8. С. 117]. Так, уже на начальных этапах русской колонизации Сибири природный-географический фактор оказывал непосредственное влияние на определение обязанностей и полномочий местной администрации в части внешнеполитической деятельности.

Отмеченная выше особенность прослеживается и в XVIII столетии. Первому Иркутскому генерал-губернатору И.В. Якоби еще во время службы в Селенгинске, в самом начале своей карьеры, неоднократно приходилось ездить в Китай в качестве уполномоченного российской стороны. Позднее, дослужившись до полковника, он принимал участие уже в съездах с китайскими представителями, на которых обсуждались русско-китайские торговые отношения. Став генерал-губернатором Сибири в 1783 г., он много сил приложил для дальнейшего развития этих отношений. Он вообще предлагал занять всю территорию по прямой линии от вершин Иртыша на Ургу и далее – к устью Амура, установить морские торговые связи России с Китаем, Японией и Калифорнией. Примечательно, что причиной отставки Якоби стала именно его внешнеполитическая деятельность. Неизвестный доносчик обвинил его в стремлении обострить отношения России с Китаем [9. С. 639, 791].

Исследователи справедливо отмечают, что высшая сибирская администрация вообще была не прочь распространить свою самостоятельность на сферу внешнеполитической деятельности. Так, еще в начале XIX в. иркутский гражданский губернатор Н.И. Трескин, пользуясь значительным удалением от Петербурга, предпринимал самостоятельные шаги по урегулированию в регионе отношения с Китаем и Японией. В этом Трескина поддержал его патрон, генерал-губернатор

И.Б. Пестель, который вообще стремился монополизировать дипломатические отношения России с сопредельными странами и доказывал петербургским сановниками МИДа, что лучше поручать это дело местным главным начальникам, чем отправлять за тридевять земель дорогостоящие посольства [10. С. 76]. Особенности геостратегического положения Сибири вызвали необходимость автономности местной администрации, в том числе в части внешнеполитической деятельности. Характерно, что именно на этой специфической стороне деятельности сибирских властей можно наблюдать определенные противоречия децентрализаторских и централизаторских тенденций, свойственные внутренней политике самодержавия в целом. С одной стороны, правительство в лице Министерства иностранных дел пыталось жестко контролировать и направлять всю деятельность местной администрации в части внешнеполитической. Оно вмешивалось в решение даже таких вопросов, которые, казалось, были весьма далеки от круга непосредственных обязанностей министерства, но, как полагали в этом ведомстве, отвечали стратегическим целям внешней политики России. Примером этому может служить серия «особых совещаний», проведенных в Петербурге в период с 1898 по 1901 г., на которых обсуждался один вопрос – «о мерах к облегчению христианской проповеди в Забайкалье» [11. Л. 2–3]. На все предложения Синода и Иркутского генерал-губернатора об административном, т.е. насильственном, ограничении влияния ламаизма Министерство иностранных дел всегда жестко отвечало отказом, считая, что с помощью буддизма Россия сможет усилить свое влияние в Монголии, Китае и других странах. Подобные же соображения властями различных уровней высказывались и позже. В одной из записок, поданных Министерством иностранных дел на имя председателя Комитета министров в 1903 г., прямо отмечалось, что российская религиозная политика в отношении забайкальских бурят имеет огромное значение «по связям этих племен с Китаем и Тибетом» [12]. Подобный интерес главного внешнеполитического ведомства империи к традиционным религиозным верованиям и обычаям инородцев можно наблюдать и на примере других окраин государства. Известно, что в 1871 г. Министерство иностранных дел выступило против предложений Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана о предоставлении ему права регулировать нормы мусульманского вероисповедания [13. С. 224–225]. По мнению министерства, это неминуемо должно было привести к падению авторитета России в мусульманском мире Средней Азии. С такой позицией российского МИДа трудно не согласиться.

В то же время значительная активизация деятельности России на дальневосточных и среднеазиатских направлениях в XIX в. влекла необходимость принятия оперативных решений на месте. В сановном Петербурге хорошо понимали это и были вынуждены предоставлять местным властям дозированную самостоя-

тельность во внешнеполитической деятельности. Важно еще раз отметить, что внешнеполитический аспект деятельности высшей местной администрации в лице генерал-губернаторов был тесно связан с их административно-политическими мероприятиями как главных начальников края и проявлялся в самых различных, подчас весьма неожиданных вариантах. Несомненным доказательством этого является установление особого режима пограничных и приморских управлений. На протяжении XVIII и XIX вв. неоднократно пересматривался статус Охотского приморского управления. Административной реформой 1822 г. на Дальнем Востоке были образованы Охотское и Камчатское приморские управления, а в Забайкалье – Троицкосавское пограничное управление [14. Ст. 13]. В задачу последнего входили не только обычные в таких случаях функции пограничной службы, но и охрана границы и обеспечение безопасности торговли. Позднее Троицкосавск был напрямую подчинен Иркутскому генерал-губернатору. Внешнеполитическая активность России в Азиатско-Тихоокеанском регионе была в значительной степени обеспечена административными преобразованиями Н.Н. Муравьева на Дальнем Востоке, с одной стороны [15. С. 133–163], и его стремлением упрочить положение империи в этом стратегически важном районе мира – с другой. Однако достижение последнего было невозможно без соответствующих международных соглашений России с сопредельными странами. Но именно этим соглашениям Россия в значительной степени оказалась обязанной Н.Н. Муравьеву.

Одним из проявлений «автономизма» генерал-губернатора Восточной Сибири в части внешнеполитической деятельности стало получение Муравьевым в январе 1854 г. правительственной инструкции, объявляющей генерал-губернатора высшей инстанцией в сношениях России с Китаем по вопросу о границе [16. С. 174]. Любопытно, что инициатором этого решения выступал сам Муравьев. В 1853 г. во время пребывания в Петербурге он подал императору записку, в которой предложил начать переговоры по вопросу о разграничении границы с Китаем, поручив ведение самих переговоров местным властям, т.е. фактически самому себе [17. С. 321–322; 18. С. 133]. Но это обстоятельство не меняет принципиальной оценки факта признания особой автономной роли Иркутского генерал-губернатора на переговорах с Китаем. Здесь следует отметить, что именно Муравьев сыграл решающую роль в разработке и принятии в 1853 г. известного в последствии положения о ламайском духовенстве в Забайкалье, надолго регламентировавшем правовые нормы детальности буддистских дацанов и самих лам в регионе. При этом Муравьев исходил из стремления сохранить спокойствие на российско-цинской границе, продолжая извлекать немалые для России выгоды из приграничной торговли с Китаем, а не потакать сомнительным инициативам МВД, Св. Синода и ряда других министерств и ведомств, направленным на ужесточение политики

по отношению к буддистам [19. С. 152–168]. Известной долей автономии во внешнеполитической деятельности пользовался и генерал-губернатор Западной Сибири. В данном случае, как и в Восточной Сибири, она тесно переплеталась с осуществлением главным территориальным начальником края своих политико-административных полномочий. Созданная по инициативе Сперанского в 1822 г. область сибирских киргизов конечной целью имела усиление военно-стратегического присутствия России в Степном крае. Обсуждаемый во второй половине XIX в. вопрос об административных границах Западной Сибири был тесно связан с активизацией внешнеполитической деятельности России на среднеазиатском направлении. Фактор отдаленности от центра, приграничное положение территории, знание конкретного материала позволяли западносибирским генерал-губернаторам играть в этом процессе далеко не последнюю роль. Как правило, они участвовали в качестве экспертов во всех закрытых комиссиях по обсуждению вопросов усиления роли России в этом регионе. Именно территория Западной Сибири и Оренбургского генерал-губернаторства послужила своего рода военно-экономическим плацдармом для продвижения России в Казахстан и Среднюю Азию.

С учетом активизации политики России на азиатском и дальневосточном рубежах непосредственно связано одно требование, которому, по мнению правительства, должны были отвечать генерал-губернаторы Азиатской России – это наличие опыта, пусть даже небольшого, дипломатической деятельности. Оно логически вытекало из сопредельного положения сибирских областей и губерний, активной внешней политики на этих направлениях, с одной стороны, и невозможностью детально контролировать и направлять этот процесс из Петербурга – с другой. Первым генерал-губернатором, получившим соответствующие полномочия российского Министерства иностранных дел на ведение переговоров с Китаем, был Н.Н. Муравьев [16. С. 154–186]. Некоторые из его приемников на посту генерал-губернатора Восточной Сибири предшествующей службой были неплохо подготовлены к исполнению такого рода обязанностей. Так, Д.Г. Анучин в 1879 г. был заведующим гражданскими делами России в Болгарии и в качестве члена официальной российской делегации участвовал в работе Берлинского конгресса. Однако гораздо больший опыт такого рода был у генерал-губернатора Западной Сибири А.О. Дюгамеля, который в 1830-х гг. неоднократно выполнял важные дипломатические поручения Российского правительства в Турции, был генеральным консулом России в Египте, а позже – послом в Тегеране.

Компаративный анализ особенностей внешнеполитической деятельности генерал-губернаторов Азиатской России позволяет утверждать, что глубина ее автономности находилась в прямой зависимости не только от расстояния до столицы, но и от позиций России в регионе в целом, ее дипломатического влияния на со-

предельные страны, личного авторитета генерал-губернатора. В этом смысле наибольшей независимостью пользовался Туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман. В его руках была сосредоточена огромная административная и военно-политическая власть, вся среднеазиатская политика. Он был уполномочен Российским правительством начинать военные дей-

ствия, вести мирные переговоры, руководить дипломатическими представительствами России в соседних с Ташкентом государствах. Как в 1858 г. Н.Н. Муравьев в Айгуне, К.П. Кауфман сыграл решающую роль в разработке и подписании в 1873 г. Русско-бухарского и Русско-хивинского договоров [18. С. 109–111].

ЛИТЕРАТУРА

1. Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. I (XVIII – начало XX в.). СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 591 с.
2. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение, история, распад. М., 1996. С. 21–22.
3. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М. : Изд-во Ин-та истории Академии Наук СССР, 1972. 392 с.
4. Ремнев А.В. Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX – начала XX в.) // Административно-государственное и правовое развитие Сибири XVII–XXI веков : материалы науч.-теоретич. семинара. Иркутск : Изд-во Вост-Сиб. ин-та МВД России, 2003. 240 с.
5. Дамешек И.Л. Генерал-губернаторы Азиатской России как институт власти и его особенности // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI века : материалы V Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2003. Ч. 1. 216 с.
6. Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III, ч. 1.
7. Копылов А.Н. Органы центрального и воеводского управления Сибири в конце XVI–XVII вв. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общ. наук. М., 1965. № 9.
8. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск : Наука, 1991. 401 с.
9. История Правительствующего сената за двести лет. 1711–1911 гг. Т. 2: Правительствующий сенат в царствование Елисаветы Петровны и Петра Феодоровича / [сост. А.Е. Пресняков, Н.Д. Чечулин]. 1911. [4]. 806 с.
10. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX века. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 62. Отд. 2. Д. 300.
12. Библиотека РГИА. Печатные записки. № 255. Записи и прошения, поданные Председателю Комитета министров по инородческим вопросам.
13. Институт генерал-губернаторства и наместничества Российской империи : в 2 т. СПб., 2001. Т. 1. 452 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 38, № 29125. С. 345–394.
15. Сибирь в системе имперского регионализма (Компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002. 202 с.
16. Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1998. 428 с.
17. Барсуков И.П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. 1891. Т. 1. С. 321–322.
18. История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1999. 384 с.
19. Цырепиллов Н.В. Буддизм и империя. Бурятская буддистская община в России (XVIII – начало XX в.) Улан-Удэ : ИМБИТ СО РАН, 2013. 338 с.

Lev M. Dameshek. Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). E-mail: levdamshek@gmail.com

Irina L. Dameshek. Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). E-mail: dameshek@rambler.ru

ASIAN FRONTIER AND THE FOREIGN POLICY POWERS OF THE GOVERNOR-GENERALS IN ASIAN RUSSIA

Keywords: Russia; Siberia; empire; center; margin; regionalism; governance; governor-general; diplomacy; foreign policy.

The authors suggest that the peculiarities of geo-strategic position of Siberia necessitated the autonomy of local government in terms of foreign policy. The practice of giving special foreign policy powers to the Siberian authorities was not an entirely new phenomenon in the center-periphery relationship.

The authors note that the intensification of activities of Russia in the Far Eastern and Central Asian areas in the XIX century caused the need for the operational decisions on the spot. This situation was well understood by the capital government so they were forced to provide some independence in foreign policy to the local authorities.

The authors state that on this specific aspect of the Siberian authorities' activity, one can observe certain contradictions between the decentralizing and centralizing tendencies of the autocratic policy. The government represented by the Ministry of Foreign Affairs tried to strictly control and direct all the activities of the local administration.

According to the authors, it was connected by the one requirement from the government that the governors-general of Asiatic Russia had to have the presence of even if of a small experience in diplomatic activity. It is logically followed from the contiguous position of the Siberian regions and provinces as well as active foreign policy in these areas on the one hand, and the inability to control and direct this process in detail from St. Petersburg on the other.

The archival sources indicated that the foreign policy aspect of the activity of the highest local administration in the person of the governor-general was closely related to their administrative and political actions as the heads of the region and manifested itself in a different and sometimes very unexpected ways. The undoubted proof was the establishment of a special regime for the border and the coastal administrations.

The governor-general of Western Siberia also had a certain amount of autonomy in foreign policy. In this case as in Eastern Siberia it is closely intertwined with the exercise of the territorial head of the region political and administrative powers, which is reflected in legislative sources. For example, the region of Siberian Kirghiz created in 1822 had the ultimate goal of strengthening Russia's military-strategic presence in the steppe area. The question of the administrative borders of Western Siberia, discussed in the second half of the XIX century, was closely associated with the intensification of Russian foreign policy in the Central Asian direction.

The authors came to the conclusion made on the basis of comparative analysis of the features of the Asian Russia governor-generals foreign policy activities. The depth of its autonomy was directly dependent not only on the distance to the capital, but also on the posi-

tion of Russia in the region as a whole as well as its diplomatic influence on neighboring countries and the personal authority of the governor-general.

REFERENCES

1. Mironov, B.N. (2003) *Sotsial'naya istoriya Rossii. Tom I. (XVIII – nachalo XX v.)* [The Social History of Russia. Vol. I. (the 18th – early 20th century)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
2. Kappeler, A. (1996) *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya: Vozniknovenie, istoriya, raspad* [Russia – a multinational empire: Origin, history, collapse]. Moscow: Progress-Traditsiya. pp. 21–22.
3. Preobrazhensky, A.A. (1972) *Ural i Zapadnaya Sibir' v kontse XVI – nachale XVIII veka* [The Urals and Western Siberia in the late 16th – early 18th century]. Moscow: Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR.
4. Remnev, A.V. (2003) [Geographical, administrative and mental borders of Siberia (the 19th – early 20th centuries)]. *Administrativno-gosudarstvennoe i pravovoe razvitie Sibiri XVII–XXI vekov* [Administrative, state and legal development of Siberia of the XVII–XXI centuries]. Proc. of the Seminar. Irkutsk: Ministry of Internal Affairs of Russia. (In Russian).
5. Dameshek, I.L. (2003) [Governor-Generals of Asian Russia as an institution of power and its features]. *Problemy istorii mestnogo upravleniya Sibiri XVI–XXI veka* [Problems of the History of Local Governance in Siberia of the 16th – 21st centuries]. Proc. of the Fifth All-Russian Conference. Novosibirsk. (In Russian).
6. Bakhrushin, S.V. (1955) *Nauchnye trudy* [Works]. Vol. 3. Moscow: [s.n.].
7. Kopylov, A.N. (1965) *Organy tsentral'nogo i voevodskogo upravleniya Sibiri v kontse XVI–XVII vv.* [Bodies of the central and regional administration of Siberia at the end of the 16th – 17th centuries]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Seriya obshch. nauk.* 9.
8. Aleksandrov, V.A. & Pokrovsky, N.N. (1991) *Vlast' i obshchestvo. Sibir' v XVII v.* [Power and Society. Siberia in the 17th Century]. Novosibirsk: Nauka.
9. Presnyakov, A.E. & Chechulin, N.D. (1911) *Istoriya Pravitel'stviyushchego senata za dvesti let. 1711–1911 gg.* [The History of the Governing Senate for Two Hundred Years. 1711–1911]. Vol. 2. St. Petersburg: V Senatskoy tipografii.
10. Remnev, A.V. (2004) *Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX veka* [Russia of the Far East. Imperial Geography of Power of the 19th-early 20th Centuries]. Omsk: Omsk State University.
11. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 797. List 62(2). File 300.
12. The Russian State Historical Archive Library. (n.d.). *Pechatnye zapiski* [Printed notes]. № 255.
13. Kropachev, N.M. et al. (eds) (2001) *Institut general-gubernatorstva i namestnichestva Rossiyskoy imperii: v 2 t.* [Institute of Governor-General and Viceroyalty of the Russian Empire: in 2 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
14. Russia. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZRI I)* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI I)]. Vol. 38. № 29125. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 345–394.
15. Dameshek, L.M. & Dameshek, I.L. (2002) *Sibir' v sisteme imperskogo regionalizma (Komparativnoe issledovanie okrainnoy politiki Rossii v pervoy polovine XIX v.)* [Siberia in the system of imperial regionalism (Comparative study of Russian border policy in the first half of the 19th century)]. Irkutsk: Palmarium Academic.
16. Matkhanova, N.P. (1998) *General-gubernatory Vostochnoy Sibiri sereдины XIX veka: V.Ya. Rupert, N.N. Murav'ev-Amurskiy, M.S. Korsakov* [Governor-General of Eastern Siberia in the mid-19th century: V.Ya. Rupert, N.N. Muravyov-Amursky, M.S. Korsakov]. Novosibirsk: SB RAS s.
17. Barsukov, I.P. (1891) *Graf Nikolay Nikolaevich Murav'ev-Amurskiy* [Count Nikolai Nikolaevich Muravyov-Amursky]. Vol. 1. [s.l.; s.n.]. pp. 321–322.
18. Sakharov, A.N. (ed.) (1999) *Istoriya vneshney politiki Rossii. Vtoraya polovina XIX veka* [The History of Russian Foreign policy. The Second Half of the XIX Century]. Moscow: Mezhdunarodnie otnosheniya.
19. Tsyrempilov, N.V. (2013) *Buddizm i imperiya. Buryatskaya buddistskaya obshchina v Rossii (XVIII – nachalo XX v.)* [Buddhism and Empire. Buryat Buddhist Community in Russia (the 18th – early 20th centuries)]. Ulan-Ude: SB RAS.